

*Книжное обозрение*  
*Book Reviews*

DOI: 10.31857/S020596060008420-4

**КОЗЛОВ С. А. РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-АГРАРНИКИ XIX – НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2018. 967 с. (СЕРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. ДОКУМЕНТЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ПЕРЕВОДЫ»). ISBN 978-5-8243-2288-0**

*КРИВОШЕИНА Галина Геннадьевна* — *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; E-mail: krivosheina@gmail.com*

Предлагаемая вниманию читателей книга доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории Сергея Алексеевича Козлова рассказывает о жизни и деятельности российских аграриев (используемое автором слово «аграрники» мне не нравится, но это уже дело вкуса). Среди героев книги — университетские профессора М. Г. Павлов (1793–1840), Я. А. Линовский (1818–1846), С. М. Усов (1797–1859), профессор Московского сельскохозяйственного института К. А. Вернер (1850–1902), агроном и профессор Киевского политехнического института В. Г. Бажаев (1865–1915), публицисты и общественные деятели Е. А. Авдеева (1789–1865), С. А. Маслов (1793–1879), М. В. Неручев (1835–1922), Ф. А. Баталин (1823–1895), сельские хозяева И. Я. Вилькинс (1779–1857), П. А. фон Бильдерлинг (1844–1900), С. С. Бехтеев (1844–1911),

М. М. Щепкин (1871–1921). Они внесли значительный вклад в развитие теории и практики сельского хозяйства и при жизни были хорошо известны, особенно в сельскохозяйственных кругах. Однако в советский период их имена практически не упоминались, и они были забыты.

В последнее время вопрос, почему имена одних ученых остаются в истории, а других — замалчиваются и теряются в некой «серой зоне» забвения, все больше занимает историков науки<sup>1</sup>. Их не устраивает простой и наиболее очевидный ответ: «Остаются те, кто внес бóльший вклад в развитие науки». Оказывается, что причины замалчивания научного вклада отдельных ученых и, как следствие, забвения их имен могут быть самыми разными, как

---

<sup>1</sup> Этой проблеме на 8-й конференции Европейского общества истории науки (Лондон, 2018) была посвящена отдельная секция.

внутренними (появление новых теорий и новых кумиров, соперничество ученых и научных школ и т. д.), так и внешними (политическими, социальными, идеологическими, гендерными и пр.) по отношению к науке. Возьмем, к примеру, известного русского зоолога и эволюциониста К. Ф. Рулье<sup>2</sup> (1814–1858), которого его ученик А. П. Богданов называл «первым русским предшественником Дарвина»<sup>3</sup>. После выхода в свет в 1859 г. «Происхождения видов» Ч. Дарвина ученики Рулье восприняли новую теорию как «что-то такое близкое, такое родственное тому, чему учил нас Карл Францевич», но приведенное в большую ясность, изложенное в более научной форме и подтверждавшееся несравненно большим количеством фактов<sup>4</sup>, так что идеи Рулье были оставлены в пользу более обоснованной эволюционной теории, а его имя было забыто на долгие годы. Справедливости ради надо

сказать, что Рулье был не большим охотником публиковать свои труды, а его образ жизни и научные взгляды раздражали многих его коллег по университету и Московскому обществу испытателей природы, и это также способствовало тому, что после смерти его имя перестали упоминать, и он был забыт.

Однако, если говорить об отечественной науке в целом, то здесь, как мне кажется, ведущую роль играли вненаучные — политические и идеологические — факторы. В пореформенный период жертвами замалчивания становились ученые и общественные деятели, которые плодотворно работали на благо страны, но не разделяли крайних политических взглядов и вызывали тем самым неприязнь у представителей радикальной интеллигенции. Вспомним, например, уже упоминавшегося выше профессора зоологии Московского университета Богданова<sup>5</sup>, который сделал для науки и просвещения в России, пожалуй, больше, чем любой из его современников: по его инициативе и при активном участии в Москве был создан ряд научных обществ, проведены Этнографическая (1867), Политехническая (1872), Антропологическая (1879) и другие выставки, созданы

<sup>2</sup> Подробнее о нем см.: *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3; *Микулинский С. Р.* Карл Францевич Рулье: 1814–1858 гг. М.: Наука, 1979.

<sup>3</sup> *Богданов А. П.* Карл Францевич Рулье и его предшественники по кафедре зоологии в Императорском Московском университете // *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.* 1885. Т. 43. Вып. 2. С. 173.

<sup>4</sup> *Борзенков Я. А.* Исторический очерк направлений, существовавших в зоологических науках в XIX столетии: актовая речь, читанная в Московском университете 12 января 1881 г. М.: Университетская типография, 1881.

<sup>5</sup> Подробнее о нем см.: *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 203–467; Любил Россию, Университет, Науку (посвящение А. П. Богданову) // *Зоологические исследования.* № 18 / Ред. Н. Н. Спаская, И. Я. Павлинов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.

публичные музеи (Политехнический, Дашковский этнографический и др.), основан Московский зоопарк и т. д. Ученый, для которого дело было важнее политических амбиций и пустых разговоров, оказался между двух огней. Консерваторам и традиционалистам, в принципе признававшим его авторитет, не нравились его научные взгляды, в частности то, что он выступал за включение теории Дарвина в программу гимназического курса естествознания. Радикалов же раздражала его политическая инертность и нежелание реагировать на острые социально-политические и общественные проблемы. К тому же он имел несчастье вызвать неудовольствие непререкаемого лидера либеральной научной мысли последней трети XIX — начала XX в. К. А. Тимирязева, который даже написал брошюру, подвергшую резкой критике деятельность Богданова<sup>6</sup>. Результат очевиден — после смерти Богданова о нем предпочитали не вспоминать.

В советскую эпоху список неугодных ученых пополнила обширная группа представителей «буржуазной науки», деятельность которых по тем или иным причинам, далеко не всегда имеющим рациональное объяснение, не укладывалась в шаблонную

картину мира, построенную на основе идеи противостояния пролетариата и буржуазии. Из этой «серой зоны» забвения историки науки периодически извлекают отдельные имена, но и до сих пор вклад многих выдающихся деятелей отечественной науки остается недооцененным. И здесь главная задача исследователей, занимающихся историей русской науки, состоит, как мне кажется, в том, чтобы сделать эти забытые имена известными широкой публике.

Автор рецензируемой книги мог бы значительно облегчить свою работу, если бы он пошел по проторенному пути и выбрал для своего исследования стандартный набор деятелей сельского хозяйства, присутствующий в большинстве исторических обзоров. Но, как он справедливо указывает: «Внимание историков, как правило, обращено на изучение жизненного пути и научной эволюции наиболее авторитетных личностей, уже давно признанных в качестве ведущих представителей отечественной агрономической науки: И. А. Стебута, Д. Н. Прянишникова, В. В. Докучаева, А. Ф. Фортунатова, А. В. Чаянова и др. В итоге в отечественной аграрной историографии к началу XXI в. сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, исследователи хорошо понимают, что без внимательного изучения жизни и деятельности отдельных ученых-аграрников невозможно реконструировать картину эволюции и отечественной аграрной науки, и сельского хозяйства как такового, и его отдельных отраслей. С другой стороны,

<sup>6</sup> Тимирязев К. А. Пародия науки. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1891. См. также в: Тимирязев К. А. Сочинения в 10 т. М.: Сельхозгиз, 1937. Т. 3. С. 379–386. Эта брошюра стала основой для фельетона А. П. Чехова «Фокусники» (Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М.: Наука, 1979. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. С. 246–256).

исследований подобного рода в настоящее время крайне мало, и посвящены они в основном наиболее крупным и “общественно-значимым” фигурам. Все же остальные ученые XIX — начала XX в., занимавшиеся аграрными проблемами, фактически остаются “в тени”» (с. 5). Поэтому автор поставил перед собой более сложную задачу — представить читателю новых героев, имена которых редко упоминаются в отечественной литературе.

Хотя я уже давно занимаюсь историей русской науки XIX в., из всех героев очерков хорошо знакомы мне были только трое: профессор Московского университета и директор Земледельческой школы Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) Павлов, непреременный секретарь МОСХ Маслов и агроном и животновод, член известного Комитета помощи голодающим (Помгола) и один из основателей Московского высшего зоотехнического института Щепкин. Об остальных я если и слышала, то имен их не помнила. Поэтому я считаю большим достоинством книги то, что она открывает читателю целую галерею незаслуженно забытых имен деятелей сельскохозяйственной науки и практики.

Впечатляет количество источников (как опубликованных, так и архивных), использованных автором при написании книги. Чтобы были понятны масштабы проделанной им работы, скажу, что примечания к авторскому тексту (общим числом 3825) занимают практически половину книги, почти столько же, сколько и

основной текст (436 и 497 страниц соответственно). И почти каждый комментарий содержит ссылки на литературу, от единичных до насчитывающих несколько десятков. К сожалению, общего списка литературы в книге не дается, а ссылки внутри комментариев располагаются без всякого порядка, так что ориентироваться в них довольно сложно.

Важным, с моей точки зрения, достоинством рецензируемой книги является то, что биографии героев книги представлены в широком социальном и историко-культурном контексте и выступают как интегральная часть исторического нарратива. Это позволяет автору воссоздать общую картину развития теории и практики российского сельского хозяйства XIX — начала XX в., а читателю — лучше понять мотивы деятельности героев и те задачи, которые перед ними ставила жизнь. Такой подход определяет и структуру книги. Все биографические очерки сгруппированы в три главы, каждую из которых открывает пространное введение («преамбула», как его называет автор), характеризующее социальную и политическую атмосферу и состояние сельскохозяйственной теории и практики в стране в соответствующий период. В первой главе это «Теория и практика сельского хозяйства России первой трети XIX в. в условиях господства феодала Архаики. Рождение отечественной аграрной науки как ответ дворянской “интеллектуальной элиты” на модернизационные вызовы эпохи». За ним следуют очерки, посвященные деятелям

сельского хозяйства дореформенной эпохи: Павлову, Линовскому, Усову, Вилькинсу, Авдеевой и Маслову. Вторая глава открывается преамбулой «Отечественная аграрная наука в контексте хозяйственных, социокультурных и гражданско-правовых коллизий пореформенной России» и включает очерки об аграриях пореформенного периода: Неручеве, Баталине, Вернере, фон Бильдерлинге. В третьей за введением, озаглавленным «Аграрная наука России на рубеже XIX–XX вв. Столыпинские преобразования и Первая мировая война: позитивные и негативные факторы развития отечественной “науки сельского хозяйства”», идут очерки о Бажаеве, Бехтееве и Щепкине.

Надо отметить, что преамбулы весьма познавательны. По существу, они представляют собой самостоятельные очерки развития отечественной сельскохозяйственной мысли, и, хотя идеологические установки автора мне совсем не близки, читать их очень интересно. Биографические очерки написаны с большой любовью и уважением к героям и дают всестороннюю картину их деятельности. Однако в своем желании еще более расширить историко-культурный контекст своего повествования автору далеко не всегда удается соблюсти баланс, и нить биографического повествования зачастую теряется среди множества отступлений.

Еще раз повторю: автор проделал большую и важную работу, которая заслуживает серьезного внимания. Однако когда я перевернула последнюю страницу, то

задумалась, во-первых, о том, почему в заглавии книги ее герои определяются как «ученые-аграрники»? Ну, хорошо, Павлов, Линовский, Неручев, Бажаев и некоторые другие действительно были учеными. А еще педагогами, публицистами, организаторами сельского хозяйства. Но можно ли назвать ученым непрямого секретаря МОСХ Маслова? Он многое сделал и для МОСХ, и для развития сельского хозяйства в России, но ученым никогда себя не считал, хотя и имел звание доктора нравственно-политических наук. Или публициста и редактора «Земледельческой газеты» Баталина? Или (да простят меня adeпты «женской науки») Авдееву, женщину несомненно выдающуюся, писательницу, путешественницу, автора путевых заметок и кулинарных книг? Нет, конечно, если только мы, вполне в духе нашего времени, не воспринимаем науку как исключительно прикладную организационно-хозяйственную деятельность или деятельность по производству печатной продукции.

Во-вторых, после прочтения книги создается впечатление, что МОСХ было главным сельскохозяйственным обществом России. Автор называет его «ведущим координатором всей общероссийской деятельности в области аграрной рационализации» (с. 234), «ключевым всероссийским центром, объединявшим ведущих деятелей общественной агрономии» (с. 327) и т. д. Если это действительно так, то эти утверждения следовало бы подкрепить хоть какими-то доказательствами.

Но скорее всего здесь просто не хватает географической привязки к Центральному Нечерноземью. И ее отсутствие может дезориентировать неподготовленного читателя. Я ни в коей мере не хочу умалить значение МОСХ, одного из старейших и крупнейших аграрных обществ России, внесшего огромный вклад в развитие сельского хозяйства в стране. Но приписывать лишь ему заслугу в аграрной модернизации страны было бы неверно, так как параллельно с ним в других регионах России не менее активно действовали столь же крупные и авторитетные сельскохозяйственные общества, такие как Вольное экономическое общество, Общество сельского хозяйства Южной России и др., о которых автор упоминает лишь мельком.

К сожалению, впечатление от книги портят мелкие ошибки и неточности. В качестве примера приведу некоторые из них. Так, в очерке о Павлове на с. 23 указывается, что он «изучал математику на математическом отделении, поскольку там преподавали и его любимые естественные науки». В действительности он учился на отделении (или, что то же, факультете) физических и математических наук. Математическое отделение на физико-математическом факультете Московского университета было создано лишь в начале 1860-х гг.<sup>7</sup> На той же странице утверждается, что Павлов был послан за границу для

изучения естественной истории и сельского домоводства благодаря содействию президента МОСХ князя. Д. В. Голицына. Однако в 1818 г., когда это произошло, МОСХ существовало еще только в проекте, а Голицын командовал Вторым пехотным корпусом. Военным губернатором Москвы и президентом МОСХ он стал только в 1820 г. К тому же решение о командировании выпускников за границу принимал совет университета, а не МОСХ, каким бы влиянием это общество ни обладало.

Еще пример из того же очерка. На с. 24 сообщается, что в Земледельческую школу при МОСХ (Павлов занимал должность ее директора) «принимались и неграмотные», а на с. 32, что «8 мая 1850 г. Земледельческая школа была “открыта для свободных сословий”». Непонятно, на каком основании автор делает подобные утверждения. Если бы он внимательно прочитал положение о школе, принятое при ее учреждении, то из § 29 узнал бы, что «в ученики (Земледельческой школы. — Г. К.) поступают знающие русской грамоте, возраста не менее 15-ти лет, из всех званий»<sup>8</sup>.

Теперь перейдем к очерку о Маслове. Здесь меня больше всего поразили три «открытия», сделанные автором. Первое — то, что Маслов

<sup>7</sup> Летопись Московского университета / Авт.-сост. Е. В. Ильченко. М.: Изд-во Московского университета, 2004. Т. 1: 1755–1952. С. 163.

<sup>8</sup> Перепелкин А. П. Краткий исторический очерк Московской земледельческой школы Императорского Московского общества сельского хозяйства со времени учреждения Школы — 4-го января 1819 года, с приложениями. 2-е испр. изд. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1897. С. 32 (на это издание автор ссылается в примечании 84).

был учеником Г. И. Фишера фон Вальдгейма (с. 133). Если учесть, что Маслов учился в Московском университете на отделении нравственных и политических наук, а Фишер фон Вальдгейм преподавал на отделении физических и математических наук и отделении врачебных наук, непонятно, когда он мог попасть в ученики к Фишеру. Разве только, когда недолгое время работал у него секретарем. Кстати, в тексте Фишер называется вице-президентом Медицинской академии, хотя на самом деле это было Московское отделение Медико-хирургической академии. Второе. Автор, ссылаясь на работу А. Б. Прейсмана<sup>9</sup>, утверждает, что Маслов, как и его друг поэт Н. М. Шатров, преподавал в Медико-хирургической академии (с. 166). Напомню, что ни Маслов, ни Шатров медицинского образования не получили, к тому же последний полностью ослеп в возрасте 20 лет, поэтому данный факт является весьма сомнительным, и автору следовало бы внимательнее проверять информацию, содержащуюся в использованных им источниках.

Третье — это утверждение, что Маслов *de facto* является основателем «Императорского Московского общества любителей естествознания» (с. 160). Я привожу название общества в кавычках,

как его дает автор, потому что в действительности при своем основании оно именовалось Обществом любителей естествознания при Московском университете, а почетный титул Императорское оно получило в 1867 г. В том же году (а не в 1868-м, как указывает автор) оно изменило свое название на Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Но дело даже не в этих мелких неточностях. Конечно, Маслова, несмотря на разницу в возрасте, связывали с Богдановым теплые, дружеские отношения, но ОЛЕАЭ было целиком и полностью детищем последнего (в газетах его часто называли «Богдановским обществом»). Равным образом неверно говорить, что Маслов был создателем Русского общества акклиматизации животных и растений (с. 162), не упоминая при этом имен Рулье и Богданова. Маслов и так был достаточно заметной и авторитетной фигурой, и у него много собственных заслуг, поэтому не стоит приписывать ему чужие достижения.

Указанные неточности ни в коей мере не умаляют достоинств книги и легко могут быть устранены при ее переиздании. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что труд С. А. Козлова, несомненно, заслуживает серьезного внимания и будет интересен не только историкам науки и гражданским историкам, но и самому широкому кругу читателей.

<sup>9</sup> Прейсман А. Б. Московская медико-хирургическая академия (исторический очерк). М.: Медгиз, 1961.